

Редакция открыта ежедневно от 10 до 2 ч. дня и съ 5 до 6 час. вечера, въ праздничные дни отъ 11 до 1 ч. дня.

ЕЛЕЦКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Условия подписки съ пересылкою во все города по почтѣ и съ доставкою въ Ельцу: на 1 г. 3 р.; 1/2 г. 1 р. 75 к.; 3 м. 1 р. 1 м. 35 к.

Съ бесплатнымъ еженедѣльнымъ иллюстрированнымъ приложеніемъ „Живописная Недѣля“.

Выходитъ по Воскресеньямъ и Средамъ.

Редакция и контора: Торговая ул., домъ Еремѣевой.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за каждую строку цѣнта въ 25 буквъ въ 1 столбѣцъ, или занимаемое мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 коп., и въ слѣдующіе разы 5 коп. На первой страницѣ впереди текста, плата вдвое дороже. Иностранцы объявленія вдвое дороже

Ищущимъ труда (служащ., учащимся, прислугѣ, рабоч., и пр.) скидка въ 50%.

Подписки принимаются въ г. Ельцѣ, въ конторѣ газеты и въ книжномъ магазинѣ г. Залкина.

Торговый Домъ

БР. Т. и С. БОГОМОЛОВЫХЪ

предлагаетъ къ предстоящему ПРАЗДНИКУ

ГАСТРОНОМИЧЕСКІЕ ТОВАРЫ ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА:

Ветчина Московск.
Колбасы копч. Моск.
Колбасы фарширован.
Сыръ изъ дичи съ трафезьями.
Фарши: Пулярды, Утки.

КОНСЕРВЫ
ВЪ КОРОБК.
Громадный выборъ
РЫБНЫХЪ
маринадъ.

Сыры заграничные
Швейцарскій высш. кач.
Рокфоръ.
Честеръ Англ., Бри,
Савойскій demi sel
Розентовъ.

Русские СЫРЫ на все цѣны въ большомъ выборѣ.

Подарочные товары
лучшихъ фабрикъ.

Подарки получаются
ежедневно ВЪЯЖНОМЪ.

Универсальный магазинъ I. А. Фирковича.

Къ предстоящимъ праздникамъ получены громадный выборъ музыкальныхъ инструментовъ и нотъ, дѣтскихъ игрушекъ, слоновихъ украшеній и предметовъ для подарковъ, состоящихъ изъ бронзовыхъ, мраморныхъ, терракотовыхъ, фарфоровыхъ, плетеныхъ, кожаныхъ, японскихъ и прочихъ издѣлій отъ 20 коп. до 30 руб. и выше. Карманные электрические фонари отъ 60 коп. до 3 руб., электрическіе и фотографическіе аппараты, принадлежности для ажурныхъ работъ и выжиганій по дереву.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ.

РОЯЛИ И ПИАНО. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРЯДВОРНОЙ ФАБРИКИ К. М. ШРЕДЕРЪ.

При магазинѣ постоянный музыкальный инструментальный мастеръ и настройщикъ.

Табачная издѣлія и принадлежности для куренья.

КИТАЙСКИЙ ЧАЙ ВЫСОКАГО ДОСТОИНАСТВА СЪ ВЫДАЧЕЙ ПРЕМИИ ВЪ 20%.

11-8-8

Безъ заглавія

Былъ канунъ Рождества. Владимиръ Александровичъ Климовъ—студентъ университета, съ бѣднымъ, исхудалымъ лицомъ и сѣрыми, выходящими волосами, стоялъ у окна своей одиночки, прижавшись горячимъ лбомъ къ желѣзной рѣшеткѣ, и впервые свой воспаленный взглядъ въ синѣющую даль города съ моремъ высокихъ домовъ—исполненью и золоченымъ церковей, уходившихъ своими верхушками въ далекія выси, точно борясь съ пространствомъ. Въ одиночной камерѣ № 34, парилъ строватый мракъ зимнихъ сумерекъ. Сквозь небольшое окно, съ толстой рѣшеткой едва пролазавъ тусклый свѣтъ, отражался неясно-небесный квадратомъ на грязно-

сѣрой стѣнѣ. Быстро сгущавшія сумерки, ползущія тѣни и затхлый, пропитанный воздухомъ одиночки, создавали мрачное гнетущее настроеніе. Въ головѣ Климова бѣшеннымъ выхремъ неслись потоки жгучихъ мыслей и точно желѣзными иглами, вивались въ стѣнки черепа. Онъ всталъ ясно воспринималъ въ своей памяти событія, имѣвшія мѣсто ровно 4 мѣсяца тому назадъ. Онъ сидѣлъ въ столовой, за вечернимъ чаемъ и просматривалъ лекціи. Мать,—не старая женщина, перетрала чайную посуду, маленькій братишка Вася мастерилъ изъ бумаги лодку, которая никакъ ему не удавалась, а сестра Аня,—гимназистка второго класса, захлебывалась томикомъ Жюль Верна, съ минутой на минуту ждала отца... Въ передней раз-

дался рѣзкій звонокъ. Слышно было, какъ проворная горничная Феня стремглавъ побѣжала отпирать дверь... Ну вотъ и отецъ, весело произнесла мать и начала разливать чай. Но вмѣсто шаговъ отца, изъ передней доносился топотъ многихъ паръ сапогъ и какой то металлическій злгъ... Въ это время въ комнату бѣжала вся бѣдная Феня изаподланнымъ полупешотомъ восклицаніемъ: Барыня, жандармы... Онъ ясно помнитъ какъ въ безпокойномъ взорѣ матери онъ прочелъ обращенный къ нему вопросъ, Аня оставила книжку и пугнуло, вопрошающимъ взоромъ смотрѣла на мать. Лишь Вася продолжалъ свое соуженіе, мурлыка подлъность какую—то пѣснюкъ безъ словъ и мотива... Затѣмъ въ столовой вдругъ появился нѣс-

колько чиновъ полиціи, жандармскій офицеръ и нѣсколько штатскихъ. „Простите, сударыня, за безпокойство, но мы должны произвести у васъ обыскъ, вѣжливо, но безапелляційно обратились къ матери приставъ.

Пожалуйста... растерянно отвѣчала мать.

Начался обыскъ... Блѣдный взволнованный пришелъ отецъ, и въ его взглядѣ Климовъ прочелъ тотъ же обращенный къ сыну, вопросъ... Обыскъ длился 4 часа. Парилъ всю квартиру, вскрывали половицы, пороли подушки, матрацы, перешерили все книги, письма, и въ результатѣ много крошечныхъ выскочекъ открылись съ портретами современныхъ политическихъ дѣятелей, да иршевнаго князика Васи, найдено не было. Однако, несмотря на то, Климовъ былъ тутъ же арестованъ... Онъ помнитъ растерянный, жалкій видъ отца, плачущую мать и сестренку. Его усудили въ карету, и подъ комвоемъ повезли въ тотъ домъ, съ рѣшетчатыми окнами, крыша котораго вдали была видна изъ окна квартиры Климовыхъ. Когда передъ нимъ открывались и закрывались тяжелыя тюремныя ворота, онъ почувствовалъ себя какъ бы проглоченнымъ темной пастью какого то страшнаго чудовища... Съ тѣхъ поръ потекли томительные дни, ползущіе однообразно, безконечные, точно сфрзал, холодная слизь... Проспавшись онъ рано съ дупой болью въ груди. Весь день проходилъ монотонно и уныло, большую часть его онъ протравивалъ у окна, прижавшись лбомъ къ холодному желѣзу рѣшетки. Изъ окна ему представлялся уголочъ той жизни на свободѣ, съ которой такъ мало общаго и къ которой такъ мало шансовъ. Ему доставляло нѣкоторое облегченіе по цѣлымъ часамъ

смотреть на кусокъ крыши большаго дома, въ которомъ жила его семья, и снявшаго въ туманной дали среди леса дружки большаго домота. Ему было видно также угловатое окошко гостиной съ желтыми занавѣсками. Глядя на это родное окошко, онъ старался угадать — что въ данную минуту дѣлается подлѣ розетки... Кровати, онъ старался представить себѣ средѣ семьи, подальше отъ этихъ сѣрѣхъ, гнетущихъ душу стѣнъ. Иногда ему удавалось то и онъ забывалъ о горькой дѣйствительности, переносился далеко къ тюремному стѣну, въ гущу той жизни, которая теперь казалась ему какими-то вѣчными праздникомъ. Онъ представлялъ себѣ то дома, то на шумной улицѣ, то наконецъ, въ аудитории университета.

Вокругъ все добрыя, симпатичныя лица друзей, знакомыхъ... Но глупые шаги часового по корридору, каждый разъ, выводили его изъ области розовыхъ грезъ, возвращая къ сѣрой, гнетущей дѣйствительности одиночной камеры...

Долго отъѣхъ хлопотать объ освобожденіи сына, долго обивать пороги разныхъ канцелярій, онъ вездѣ отвѣчали, что нѣтъ свидѣній и „неблагонадежности“ сына. Однако, въ чемъ заключалась эта „неблагонадежность“ ни отцу, ни сыну известно не было, и послѣ извѣстия безплодныхъ стараній, оставалось положить лишь на время.

Тоскливое однообразіе тюремной жизни лишь иногда нарушалось рѣдко допускаемыми посещениями, посещениями родителей, съ которыми приходилось бесѣдовать черезъ двѣ решетки и то всего лишь въ теченіи 15 минутъ, при чемъ присутствующій жандармъ неустойно слѣдовалъ за содержаниемъ разговора. Но и при такой неблагоприятной обстановкѣ, свиданія эти вносили въ жизнь Климова тою чистотой, лучъ свѣта, и въсколко послѣдующихъ дней онъ озаряли его душу... А затѣмъ опять наступалъ обычный мракъ, и казалось, что онъ безконечный, необъятный, находящийся въ вѣчномъ и пространствѣ...

Сегодняшній день былъ особенно тоскливымъ. Съ раннего утра онъ стоялъ у окна и даже не прикасался къ своему скромному обѣду. Онъ смотрѣлъ на родную крышу и тяжелою синеватой тоской бороздила его душу... Сегодня былъ канунъ Рождества, канунъ веселаго праздника, который по устано-

вившимся традиціямъ, устраивали особенно торжественно и радостно. Въ этотъ праздникъ пульсъ жизни бьется особенно интенсивно, особенно жизневадно. Онъ тоже всегда вѣселялся въ этотъ день... А теперь онъ задыхается подлѣ вышками снодами грязнаго потолка, который точно исполненные науки расправилъ вадъцѣвъ свои тѣлеса крылья...

А тамъ въ городѣ все болѣе разгорались веселые огни. Они весело блистали своими свѣтлыми лучами и смотрѣли на него тою миллионами свѣтящихся глазъ. Допосели несвойный гулъ конокъ, трамваявъ, окрики ввозчиковъ, газетчиковъ... жизнь бѣжала, светилась кричаща, захватывая всѣхъ своихъ бѣшеныхъ выхремъ...

На ближайшей колокольчѣ пробыло 5 часовъ... Не будучи въ силахъ бороться далѣе съ нахлынувшей на него острой тоской, точно стальными тисками сжавшей сердце, Климовъ въ бесилы бросился на свою жидкую постель и долго слерзгивая слезы хлынули изъ глазъ... Уткнувшись въ подушку, онъ лежалъ неподвижно и лишь плечи вздрагивали отъ рыданій до тѣхъ поръ, пока наконецъ утомленный терзаній дня, онъ забылся тяжелой дремотой. Ему грездились исподнискіе падуки съ громадными тяжелыми крыльями, отъ которыхъ вѣло страшнымъ могильнымъ холодомъ...

„Г. Климовъ, пожалуйте въ контору: г. начальникъ требуетъ, — рыдалось въ ухахъ Климова.

Онъ открылъ глаза, и дѣйствительно увидѣлъ передъ собою надзирателя Петрова — угрюмаго дѣтнуя, съ копной торчащихъ волосъ.

— А... Что?... Несобразная переспорить онъ, вскакивая съ постели.

— Въ контору, говорю пожалуйте, г. начальникъ требуетъ. — Затѣмъ такъ повода. — Недоумивалъ Климовъ.

— Это намъ неизвестно, тамъ чай, скажутъ. Минувшая цѣлота систему темныхъ корридоровъ, онъ очутился на тюремномъ дворѣ, и на Климова, отыскаго отъ свѣтлаго воздуха, пахнула пріятной свѣжестю морозаго вечера. Обогнувъ тюремной корпусъ онъ поднялся по узкой лѣстницѣ въ контору, заднюю свѣтлѣ большою вышечей лампы. За большимъ столомъ сидѣлъ начальникъ тюрьмы, съ дѣтныи старичекъ съ неприятными воробьиными глазами, въ

которыхъ свѣтились бѣгающие огоньки.

— Господиъ Климовъ, могу васъ поздравить! — вѣсколко театралью произнесъ онъ, — представляте себѣ — еще вчера была получена бумага объ освобожденіи васъ, но этотъ остоловъ писмоводителъ забылъ передать мѣй для исполненія...

Климовъ не сразу понялъ ит. чѣмъ дѣло. Слова, произнесенныя начальникомъ были такъ неожиданны, и такъ бѣзконечно — радостны, что онъ болелъ, что это — обольстительный прекрасный сонъ, который немедленно разлетится отъ прикосновенія съ дѣйствительностью.

Полный недоумѣній онъ вышѣлъ изъ конторы...

Черезъ четверть часа радостный Климовъ вѣхалъ на извозчикѣ по затѣмъ электричествомъ шумящимъ улицамъ. Душа его была полна неизъяснимаго чувства, сознаніи полной свободы. И миръ, и люди, и повозчики лошади, — все казалось ему прекраснымъ, хорошимъ, шарюшимъ...

Онъ не хотѣлъ лишь думать объ оставленной камерѣ, которая являлась какииъ то диссонансомъ среди общей гармоніи зимняго вечера.

Пробыло 7 часовъ. Морозъ крѣпчалъ, въ окнахъ весело блистали огоньки елокъ...

Николай Зайцевъ

Рождественскій гусь

Гусь сидѣлъ на проталинѣ и гоголалъ. Это гоголанье сначала было радостное и бодрое. Потомъ, но мѣрѣ приближенія къ праздникамъ, гусь становился все грустнѣе, «чувствуя кончину жизни».

Въ смертѣ своей онъ былъ убѣжденъ и не зналъ лишь, чѣй стоаъ придется ему украшать. Кого изберу я — вѣзаво, меланхолично напѣвалъ онъ. Загѣмъ сталъ гадать на кофейной гущѣ, кто будетъ насладившимся обладателемъ его трупя. Городекая Уприва? — Кисляя физиономіи, служащихъ, отиѣтиси отрицательно. Земская Уприва? Нѣтъ, здѣсь едва хватить на рождественскій калачъ. Гусь медленно повернулся понаправленію казначейства. Не отсюда — ли ему гривить ослыство?

Постная лица показавъ гусю, что здѣсь выхо и ничто въ угрожающ. его существованіи. „Ужъ не акціи“ ли, съ тоскою подумалъ гусь, вивернѣ прастальный, тревожный взоръ въ

Старосколюскую ул. и затѣмъ самъ себѣ отвѣтилъ: Нѣтъ, здѣсь поронокъ да индюкъ меня выругать... Кто-же, кто?... Кто будетъ виновникомъ моей безвременной кончины? Въ тоскѣ вопрошалъ гусь. Онъ подоэрильно покосился на канцелярію еще дважъ — трехъ учрежденій, но всуду его успокаивалъ, что здѣсь народъ вегетарианецъ, миса не бѣдять, хочешь не хочешь вегетарианецъ.

Гусь совсѣмъ было ужъ успокоился, пошелъ гоголеть и сталъ прехорошавиться, полагая, что авось ему придется еще долго — долго жить согласно законамъ о долготѣи, гдѣ тѣловоиный гусь приводится, какъ примѣръ (флегматичности, награжденной многими годами жизни. Гусь вспомнилъ все это и даже похвѣлалъ. Но въ это время поварѣ — злодѣй подкрался къ нему съ большимъ бѣстѣющимъ ножомъ, замахнулъ... и гусь, какъ подшошней колосъ, беззвучно упалъ, обливаясь кровью, къ ногамъ побдиѣтеля... И только его угасошній взоръ успѣлъ за мгновенье предъ смертю поймать картинку стола, «украсить» который предзнаначало ему, несчастному гусю. (Чей же это столъ читатель?)

Угадайте...

В. В.

„Ночлежный вопросъ“ въ Ельцѣ.

За послѣднее время у насъ въ Ельцѣ въ связи съ развитіемъ фабричной, промышленной жизни съ одной стороны и переживаемымъ общимъ экономическимъ кризисомъ съ другой, въ сильной степени усилены рабочей пролетаріатъ, появился и босяцкій элементъ. Насколько расширился этотъ послѣдній кругъ лицъ можно видѣть изъ того, что чайная Арагаченская Общества Трезвости вынуждена была дать приютъ больше чѣмъ 300 несчастныхъ. У насъ, стоищихъ близко къ Ому Трезвости явились мысль устроить на Арагачѣ особый ночлежный бѣстѣиный приютъ на 50 человекъ. Дѣло остановилось вслѣдствіе недостатка средствъ. (Очевидно, что „начлежный вопросъ“ въ нашемъ городѣ такъ или иначе стоитъ на очереди и притѣтуетъ своего разрѣшенія). Въ ближайшемъ будущемъ мы посвятимъ этому вопросу подробную статью и надѣимъ по возможности тую картину, этого дѣла у насъ въ Ельцѣ.

Новое Стихотвореніе „Козымы Прутковъ“.

Маститъ соевѣтъ знаменитой литературной труппы, писавшей подъ псевдонимомъ Козымы Прутковъ, поэтъ Алексѣй Жемчужниковъ, начекалъ въ „Вѣстникѣ Епархиальномъ“ дополненіе къ „Ирраціональ“, носящее уже современный характеръ.

Правитель! днѣ твои пусть прудло не проходятъ;
Ноть камешки бросай, коль есть на то досугъ;
Но наблюдай, въ людѣ какой они разводять?—

Правитель! избѣгай ходить по косягору;
Скосьля, или упадешь, въ сточень стилога;

И въ путь на выступай коль вѣтъ въ ночную пору—

Зри,
Давъ отдохнуть, вгрь службанаго фонтана.

За мѣвѣемъ страны попрстальяй слѣди;

И, чтобы жертвою не стать самообмана,—

Иди!

„Кр. В.“

Письма въ редакцію

М. Г. Господинъ редакторъ! Считаю себя поставленнымъ въ необходимость заявить, что я не былъ авторомъ замѣтки по поводу случая съ Антоховымъ, въ Елецк. ж. д. мастер., помѣщенной въ № 5 Вашей газеты подъ инициалами М. Ч. и вообще никакого отношенія къ ней не имѣю.

М. Чеботаревъ.

М. Г., г. Редакторъ! Въ уважаемой Вашей газетѣ отъ 9 дек. въ № 6. напечатана замѣтка г. М. Ч. о пострадавшемъ Антоховѣ, гдѣ указано, что фельдшеръ не позволялъ перевосити Антохова до прибытія жандарма, то въ этомъ виновенъ не фельдшеръ, а дежурный на станціи помощникъ нач. ст. Елецк. гл., объясняется слѣдующимъ порядкомъ. Въ 6 ч. утра дежурнымъ пост. мѣ фельдшеру было дано знать о случившемся, и сейчасъ же послѣдній на помощь пострадавшему ч. дождя до станціи, встрѣтилъ пострадавшаго, немого на носившаго во главѣ жандарма, гдѣ было слышно разговоръ по толпѣ рабочихъ, что нужно было не нести Антохова въ приемный покой, а дежурный по станціи задерживалъ до прибытія жандарма.

При чемъ же тутъ фельдшеръ. Фельдшеръ Сергѣевскій.

Охотно печатаемъ письмо г. Сергѣевского, связывающее съ всего тяжкую нравственную отвѣтственность за несвоевременное оказаніе помощи пострадавшему; обращаемъ вниманіе на то, что этимъ письмомъ сообщенный въ № 5 фактъ не оказанія своевременно помощи Антохову документально подтверждается.

Театръ.

Въ четвергъ 20 декабря поставили „Жизнь Человѣка“ соч. Леонида Андреева. Пьеса эта написана съ огромнымъ талантомъ и силой и производитъ глубокое впечатлѣніе на всякаго вдумчиваго зрителя; передъ нами въ образѣ обобщеннаго человѣка проходитъ *жизнь всего человечества* съ ея темными началомъ, темнымъ концомъ и роковой безпомощностью передъ какой — то, страшной силой, стоящей гдѣ-то невѣсть далеко и въ то же время — гдѣ надъ каждымъ изъ насъ, — силой, которую одинъ оборотворитъ, другіе проклинаютъ; но всё одинаково находится въ ея власти. Силу эту одиозно зовутъ „Нѣкто въ стромъ“, именуемый Овъ“. Пьеса начинается прологомъ, въ сценѣ темно, въ глубинѣ темноты выступаетъ загадочный неясный обликъ „Нѣкто въ стромъ“ въ рукахъ его свѣча, подобие человѣка. „Вотъ приобретъ предъ нами вся жизнь человѣка. — Первый крикъ и зажжется свѣча, и колыхнется робко пламя, первые шаги человѣка, новые крѣпче и увѣрнѣе и горитъ пламя свѣчи сильнѣе яркимъ пламенемъ, но передѣвъ зевитъ приближается черная пуста, и снова колыхнется неуверенно пламя, безпомощно замигаетъ, будетъ все меньше и слабѣе. И когда конецъ, когда уйдетъ человѣкъ въ невѣстность откуда пришелъ, — въ послѣдній разъ, вспыхнетъ свѣча, *сем,* и жизнь человѣка коня. Такъ говоритъ „Нѣкто въ стромъ“ въ непавѣстность уходящій но всегда съ человѣкомъ. — Въ этихъ словахъ весь смыслъ пьесы — дальнѣйшее лишь изумительная по силѣ и талантливости иллюстраціи къ сказанному. Въ замѣры замѣтки не пользоваться намъ подробно оставаться на этой замѣчательной, уже рывавшей шкуру

литературу пьесы: разграничена была она, вполне удовлетворительно, принимая во вниманіе трудности ея постановки. Было бы желательно, чтобы дирекція еще разъ поставила „Жизнь человѣка“.

Праздничные спектакли отличались двумя старинными драмами: 26 пьеса „Судебная ошибка“, а 27 „Материнское благословеніе: лучше, конечно хороша старинная мелодрама, чѣмъ безодержательная новинка. 28 поставили драму „Петербургскія трущобы“ передѣлку лѣвѣйсшаго романа Крестовскаго, пьесу вышнее интересную и занимательную, но весьма безжизну въ смыслѣ художественной цѣности. — Сегодня вечеромъ очень интереснаго спектакля: въ бенефисъ Леонтьевой идетъ „Орлеанскъ“ (сочъ Наполеона 1-го), соч. Ростана, при чемъ въ роли Орленка выступилъ бенефициантъ. Въ воскресенье также ставится интересна пьеса Шпажника „Въ забытой усадьбѣ“.

Изъ уѣзда.

Пожаръ съ человѣческими жертвами.

Въ с. Соловьѣвъ въ ночь съ 23-го на 24-е декабря сгорѣлъ отъ невѣстной причины (скорѣе всего отъ печки) домъ кр. Н. Салкова. Жертвою этого пожара сдѣлалась жена домохозяйки. Выскочивъ съ дѣтми изъ объятаго пламенемъ дома, несчастная мать замѣтила, что въ помпыхъ осталась въ домѣ 6 дѣт. сынъ и 6 нѣдѣтъ. дочь. Она бросилась за ними въ пылавшій домъ и оттуда уже не вернулась. На утро при раскопкѣ пепелища нашли обугленные останки 3 труповъ. Подозрѣній въ злоумышленномъ поджогѣ нѣтъ.

Мѣтная хроника.

— 8 января въ 7 час. вечера въ залѣ Ова Велосипеда. Проф. Москов. ун-в. А. А. Казеветтеръ (бывшій членъ II гос. думы) прочтетъ въ пользу Елецк. Об. Взаимопомощи учащихся лекціи на тему для „Политическіе идеалы декабристовъ“, или „Елецкій вопросъ въ зависимости отъ разурненія Г. Орлова. Губернатора. Предварительная запись на билеты на эту лекцію принимается въ редакціи въ приемные часы. Цѣна билетовъ 1 ряд. 3 руб.,

2 и 3—2 руб., 4 и 5—1 р. 50 к., 6 и 12—1 руб., остальные по 75 к., входные по 50 к.

— Товарищъ председателя Елецкаго окружнаго Суда В. М. Долгитякъ произноситъ въ дѣлствительные статскіе совѣтники.

— Предприазнанная торговля по всѣмъ магазаямъ и лавкамъ въ нынѣшнемъ году шла необычно бойко, несмотря на мители и большіе морозы, сократившіе пріаздъ окрестныхъ крестьянъ въ городъ. Выручка отъ предприазданной торговли на много превысила таковую же за послѣдніе 3—4 года. Особенно бойко торговали бакалейные торговцы.

— Елку съ танцевальнымъ вечеромъ 27 дек. въ залѣ Женскаго Гимназія посетно около 900 чел. Изъ нихъ взрослыхъ 333 чел. дѣтей 335 и продано было билетовъ съ правомъ на дѣтвй подарокъ 280. Валовая выручка—около 1000 руб. за покрываемъ расходовъ можно ожидать чистой выручки въ кассу дѣтск. для дѣвоц. Дома Трудовъ—около 600 руб.

— 27 дек. въ клубѣ Велосипедистовъ былъ данъ—маскарадъ. Собралось довольно много публики и вечеръ былъ отъ оживленнымъ. Замаскированныхъ лицъ было относительно немного и нельзя сказать, чтобы много интереснаго или оригинальнаго костюмовъ. Наибольше типичными и выдержанными намъ показались костюмы нѣдѣлки съ надіялкой. Подъ конецъ вечера при шумкахъ тупа, съ шпанного оркестромъ былъ данъ призъ женскому костюму змѣя.

— Намъ передаютъ, что бывшій Елецкій уѣздный исправникъ Н. П. Коновцовъ, переведенный въ Карачевскій уѣздъ, уезжаетъ отъ должности.

— По слухамъ бывшій приставъ 1-ой части г. Елецъ Дужевскій, нынѣ прѣставъ 1-а стана Волховскаго уѣзда, назначается помощникомъ Елецкаго уѣзднаго исправника.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Довожу до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что **КОСТЮМЫ** для маскарадовъ можно получать при те съ 10 час. утра до спектаклѣ.
Съ поч. В. И

